Дорога жизни Светланы Наринян

Светлана Николаевна Наринян – доцент кафедры математики ЛЭТИ и хранитель традиций большой ленинградско-петербургской семьи. В квартире на 9-й Красноармейской в ее день рождения собираются до тридцати человек. Ее отец, Николай Артемьевич Наринян, строил Дорогу жизни вдоль Ладоги в 1943-м – тяжелейшем году испытаний для Ленинграда – и стал Героем социалистического труда, что было необычайной редкостью в те военные времена. Большая семья часто встречается. Большая семья все помнит. Верная память, как говорили мудрые, удваивает жизнь.

– Светлана Николаевна, с чего началась ваша «дорога жизни» в ЛЭТИ?

– Я родилась в 1941 году. Школу окончила с медалью и поступила в Ленинградский университет на матмех. По распределению попала в Институт Бонч-Бруевича. 10 лет проработала там. А когда пошла в аспирантуру, моим руководителем был профессор Меньшиков. Из-за каких-то внутривузовских конфликтов ему пришлось уйти, и он позвал меня с собой. С ним я в ЛЭТИ и перешла. И вот уже 33 года здесь работаю.

– Что в воспоминаниях о детстве осталось?

– Детство было замечательное. Нас было четверо детей, я – самая младшая. Отец у меня –железнодорожник. В войну он строил мосты, Дорогу жизни. Потом весь мостоотряд получил дом на 9-й Красноармейской улице, который пострадал от бомбежки и был в разрушенном состоянии. Они сами его отремонтировали и заселились. В доме жили семьи, у некоторых по четверо-пятеро детей. Двор был очень интересный. Дружно мы жили, и это повлияло на всю оставшуюся жизнь. Поскольку все окружение – железнодорожники, в основном дети шли в ЛИИЖТ – он назывался домашним институтом. Когда я пошла на матмех, сказали: в семье не без урода.

– Это был зов сердца, веление души?

– Конечно! Я в школьных олимпиадах участвовала, в городской олимпиаде. Шла целенаправленно.

– А мама кем была?

– Мама, уже имея четверых детей, решила учиться в институте, когда мы вернулись в Ленинград после эвакуации. И закончила Военмех. Но она практически здесь не работала. А потом они с отцом стали выезжать на строительство. В Болгарии папа был начальником строительства очень большого моста через Дунай, на правой Волге – в Сызрани мост строил. Потом в Саратове был начальником строительства крупнейшего моста в Европе. И все мои братья и сестры и их мужья и жены – железнодорожники.

– Историю знакомства папы с мамой знаете?

– У мамы отец репрессирован был. Поэтому ее ни в какие институты не брали. И она на стройке была вроде секретарши. Она – белоруска, яркая-яркая блондинка. А папа – армянин. И он влюбился. Родители его эту любовь не признавали, пока первый сын не появился. Бабушка у нас была очень интересной – Мелик-Шахназарова, из хорошего армянского рода. Когда родители на строительство стали вместе ездить, был год, когда мы, все четверо детей, одновременно были студентами. Квартира огромная –100 метров, друзья из всех студенческих компаний собирались, веселье лилось рекой. Правило у нас такое было: кто последний останется за столом – моет посуду. А мама во время сессии приезжала, откармливала нас и уезжала.

– Это вы так замечательно жили в студенческие годы? Сами себе были предоставлены?

– У нас бабушки были, одна – армянка, интересная, веселая, щедрая. Своеобразная, конечно. Потом она в Москву уехала, к другим внукам. А вторая бабушка, белоруска, наоборот, была суровая, за обедом нам даже радио не давала включать. Мы так сплотились за это время...

– А вы на армянку совсем не похожи...

– Похожа! У меня нос чисто армянский.

– Папа вспоминал про строительство Дороги жизни?

– Мы больше вспоминали об этом, когда папу хоронили в 71-м году. Столько народу пришло! Мы тогда столько замечательных слов о нем услышали! Его все звали «батя». Он руководил мостоотрядом и всех объединял. Каждые выходные летом обязательно всем мостоотрядом на катерах выезжали на пикник. Папа был душой любого праздника. Внучке ко Дню Победы в девятом классе надо было написать о каком-нибудь интересном человеке. Она спрашивает: «Бабушка, про кого бы рассказать?». Я говорю: давай про папу моего напишем. И мы собрались всей семьей, вспоминали... Ее сочинение читали всей школе.

– Как юность проходила? Бедовой были девчонкой или паинькой?

– Я помню, мне надоело быть девочкой-отличницей, я решила двойку получить. Мне очень повезло в школе. У нас классным руководителем был мужчина, которого сократили из армии. Роскошный – 33 года, высокий, красивый, подтянутый, всегда элегантный. Вместе с ним мы классом зимой чистили дворы, а потом в каникулы ехали в Москву. И до сих пор еще с ним встречаемся – а ему сейчас 82 года – всем классом. Когда в ресторане посторонние люди слышали, что мы про него говорим, они аплодировали. Вообще я была очень заводной. Тогда же еще и пионерская организация существовала, и комсомольская. Я была и председателем совета дружины, и секретарем комсомольской организации школы. Потом, когда поступила в университет, тоже была в комсомольском бюро факультета.

– Папа рассказывал страшную правду того времени?

– Воспитывали нас, наверное, сквозь розовые очки. У нас в семье пострадало очень много человек. Мамин отец – с одной стороны. У папы брат был командиром подводной лодки. Его арестовали, на Дальнем Востоке увезли на теплоходе и теплоход утопили. Папа тогда тоже пострадал, но потом снова поднялся. И он почему-то нас берег от всех этих знаний. Когда Хрущев первый раз об этом сказал, было совершенное потрясение. А потом уже начали очень многое узнавать – на кухне сидели, все книги запрещенные по страничкам читали.

– Какие книги?

– Солженицына – «Раковый корпус», «Архипелаг Гулаг», потом Пастернака – «Доктор Живаго». Он был перепечатанный с фотопленки, и читать его, помню, было очень тяжело – буквы мелкие-мелкие. Интересная молодость.

– А кроме запрещенных книг что читали?

– Все журналы. «Неву», «Иностранку», «Октябрь», «Юность» – все выписывали с самого их основания, и очень-очень долго. Еще Ремарка тогда всего читали, Аксенова. Детективы интересные. Тогда же не было печатных детективов, их переводили сами, печатали на машинке, и мы друг другу их передавали – Чейза, например. Сейчас я уже современные иностранные детективы не читаю – наши гораздо страшнее.

– Если бы вас случайно на улице во время какого-нибудь опроса спросили: «Вы из какой семьи?», как бы вы ответили?

– Раньше я бы просто сказала – интеллигентной. Я помню, папа отдыхал в Сочи, привез оттуда газету – про него написали статью. И там было сказано, что он сын крестьян каких-то. Бабушка Мелик-Шахназарова волосы на себе рвала, что она оказалась из крестьян. Хотя благородным происхождением нельзя было гордиться.

– Традиции вашей семьи в свою нынешнюю жизнь вписали?

– У нас все сохраняется. Мне приходится быть хранителем, поскольку я живу в квартире, которая у нас была в «той» жизни. 16 мая, в день папиной памяти, мы всей семьей собираемся на кладбище.

– Вы экстремалка по сути своей?

– Однажды я попала в автокатастрофу. Мы очень торопились из Нарвы домой, потому что начинался фильм «Место встречи изменить нельзя». И перевернулись. У меня был перелом позвоночника со смещением. Я год лежала. Все думали, что ходить не буду. Кроме меня – мне врач сказал, что все будет хорошо. А у меня чуть-чуть шевелился один палец на правой ноге. И на работу я вернулась без инвалидности. Когда пришла в больницу, где я лежала, без костылей, там все ахнули.

– Как смотрите на нынешнее молодое поколение? Они вам интересны?

– Студентов очень люблю. Когда ты им преподаешь, сама становишься моложе. Подружки внучки Оксаны, которая тоже учится в ЛЭТИ, – буду нескромной – обожают меня совершенно. Я с ними на одном языке разговариваю. Как бабушку они меня не воспринимают.

– И вы им все прощаете. А ведь они курят, наверное, могут пива попить...

– Я не читаю им нравоучения. Они знают, что я знаю: они покуривают... Просто не говорю на эту тему. Оксана училась в очень хорошей английской гимназии. И ее окружение несравнимо с тем, что у нас в школе рядом с домом. Конечно, они очень отличаются. А трудятся сколько!

– Какой отрезок жизни вам более всего интересен – первая любовь, «бабушкинство» или еще какой особый?

– Ой, каждый по-своему. Вся жизнь ценна. Когда я лежала после перелома, 23 дня, ночью и днем, у меня дежурили все родные, друзья и сослуживцы с кафедры. Время распределили между собой – я не могла повернуться, боли жуткие. Мы вообще никогда не стонали. И за перестройку были – понятно, что так жить уже нельзя. А тяжело было, особенно когда дефолт был. Только-только выправишься, и опять...

– У вас были какие-то накопления?

– У меня очень удачно попросили в долг, перед тем как все заморозили. Было у меня около пяти тысяч – по-старому это машина. Я сняла и потом уже на книжку не положила. Что было для меня совершенно жутко – это карточки. У меня плохое настроение, когда холодильник пустой, а семья большая тогда была. И когда мясо не купить – для меня это тоже мрачно.

– Если честно, студенты пытаются у вас за деньги зачет получить?

– Я смотрела по телевизору «Принцип домино», где выступали ребята, которые говорили, что ни одного экзамена просто так не сдавали – все за деньги. Я своей внучке говорю: «Не может быть такого». А она отвечает: «Только в нашем институте не может быть. А подружки из других вузов рассказывают – кладешь в зачетку пятьсот рублей, и зачет обеспечен». Я не знаю – верить или нет. У нас года два назад был такой случай – к одной коллеге парень пришел и написал на листе: сколько стоит зачет? Она его выгнала. Больше он у нее не появлялся. Раньше, когда я в «Бонче» работала, «взятки» предлагали. Клеенка тогда была в дефиците. Одна дама пришла и предложила мне клеенку за зачет сыну. Но мы не брали.

– Пенсия у вас какая?

– Я точно не знаю. Одну свою пенсию пособирала на книжке – сыну машину купила. Вторую пособирала – внучке купила. Не новые, естественно.

– Вы верующий человек?

– Когда все были атеистами, я никогда религию не отрицала. Причем рядом со мной была теща моего брата – она у нас жила некоторое время, – которая была фанатично набожной. Я не противилась ее вере. Если летом куда-то ездили, обязательно ходили по церквам. А теперь, когда верующими стали чуть ли не все, я, по-моему, на том же уровне осталась. Я, правда, покрестилась. Старшие все у нас крещеные, а меня же во время войны повели в церковь в Боровичах, но батюшка сказал, что нет православного имени Светлана, есть Фатима. И я осталась некрещеная. А мне нравится обряд отпевания: бывает и нечего особо об усопшем сказать – и жил не так, и плохого немало сделал людям, а во время отпевания благость наступает. И стала я Фатимой.

– Исповедуете армянскую кухню?

– Конечно. Долма – мое фирменное блюдо.

– Я так понимаю, что со всеми своими многочисленными родственниками вы живете в ладу...

– Если кто-то недоволен поведением другого человека, я пытаюсь объяснить, почему он так себя ведет. А мне родственники говорят: ты всех защищаешь. Я считаю, что надо жить дружно. И очень редко говорю «нельзя». Но если говорю «нельзя» – значит нельзя.

Беседу вела
Наталья КУЗНЕЦОВА